

Ю.А. Сорокин

Институт языкознания Российской Академии Наук, г. Москва

Yu.A. Sorokin

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow

**ТЕКСТОВЫЕ ПОСТУПКИ: ПРЕССИНГ АНТРОПОМОРФИЗМА
ИЛИ ОРГАНИЗМИЧЕСКОЕ СВОЙСТВО? (памяти Анатолия Новикова)
TEXTUAL PROCEDINGS: PRESSING OF ANTROPOMORFIZMA OR
ORGANIZMIC PROPERTY? (in memory of Anatoly Novikov)**

*Ключевые слова: текстовый поступок, речь, эгоцентризм, ошибка.
Keywords: textual proceding, speech, egocentrism, sign, deviance.*

В статье рассматриваются текстовые ошибки, мерой допустимости которых служит лишь одно: насколько они зашумливают процесс понимания и искажают его итоговые результаты.

This article considers textual errors the measure of admissibility of which is the only thing: how they deform the process of understanding and distort its summary results.

Под текстовыми поступками целесообразно, по-видимому, понимать такие языковые/речевые конфигурации, которые в стилистике рассматриваются как дефектные/аномальные и обязанные своим появлением недостаточно развитым креативно-риторическим навыкам пишущего/говорящего. К таким конфигурациям можно отнести не только такие, как «задействовать что-либо/кого-либо» или «довлеет над», но и более показательные в силу приписываемых им «возможностей»: «Неужели доблестный инспектор Квин, после многолетней успешной охоты за преступниками, потерпит неудачу в этом самом важном из всех его расследований?» – вопросала другая газета; а третья статья категорически заявляла, что полиция крупнейшего в мире города ныне получила ...; ... я наткнулся на одну карточку, примерно двадцатилетней давности. Примечание на ней гласило ... (Айриш и др., 1992: 258, 314).

Как это ни парадоксально, но вышеприведенные высказывания находятся в семейном родстве с теми, которые, на первый взгляд, свидетельствуют лишь о переводческом непрофессионализме: «Затем и наши руки встретились; ее усмешка была немного проказлива, и она даже позволила кое-что своим рукам; ... когда я постучал, услышал, как внутри заскрипел пожилой стул; я ждал в наружных дверях, пока не увидел тачку с сигналом «свободно» на лысине, остановил ее...» (Ладлэм и др., 1993: 377, 386, 380, 408).

Если первые три примера объединяет один общий признак: неодушевленное/вещь ведет себя как нечто одушевленное, то с

последующими четырьмя высказываниями дело обстоит немного сложнее: в первом и во втором из них руки (часть живого/телесного) – оказываются некой автономной субстанцией в одном случае, в другом – зависимой/управляемой, но в обоих случаях им, рукам, приписывается модульность. Они – лишь части целого, которое может быть разобрано, заменено и снова скомпоновано. В третьем высказывании неодушевленному/артефакту приписывается свойство, присущее живому и осознающему себя как временное существо (вещи стареют, но этого не осознают). В четвертом – неодушевленному/вещи также приписывается качество, присущее лишь живому – в основном человеку.

Такого рода высказывания встречаются и в других переводных текстах, но не только в них: а) «... я открыл страницу, где кто-то отчеркнул карандашом абзац, в переводе е французского гласивший ...» (Фаулз, 2003: 168); б) «клавесин исполнил длинный мелодичный пассаж ...» (Фаулз, 2004, I: 189); «... догадавшись, что я отвергну его руку, он прошел мимо меня»; «... Полезные клише на стр. 98 и 164. Посмотри сцену на 203» – гласила одна надпись (Фаулз, II: 90, 216); в) «полученные реакции говорят, что иногда сходство может возникнуть на основании признаков ...» (Лебедева, 2002: 174). Показательны также и следующие наблюдения О.В. Мякшевой: «... в большинстве своем предикативные структуры – это страдательные конструкции с непри-словным компонентом, совмещающим значение места и лиц-ведущих политических сил, но чаще иных административных территорий ... В ряде предложений, наоборот, административная территория персонифицируется: Россия перебрасывает в Надтеречный район танки и другую технику; Грозный не опровергает массовый уход в Надтеречный район, к оппозиции, групп чеченской молодежи» (Мякшева, 2003: 231).

На мой взгляд, приписыванию свойств одушевленности неодушевленному и наоборот можно найти аналоги в детской речи (см. по этому поводу: От двух до трех ..., 1998). Это, во-первых. Во-вторых, есть основания полагать, что и персонификация, и модульность есть также не что иное, как ее «реликты». А может быть, они вообще указывают на то состояние языка, о котором пишет Э. Кассирер: «... критика познания отнюдь не дает заключения, будто мысль об изменчивом свойстве или об изменчивом состоянии с необходимостью должна быть более ранней, чем мысль о «вещи» как относительно постоянной единице, – она скорее демонстрирует, что и понятие вещи, и понятие свойства или состояния являются равноправными и в равной мере необходимыми в построении эмпирического мира. <...> Однако проблема приобретает иной смысл, если принять во внимание, что «вещи» и «состояния», «свойства» и «виды деятельности» являются не предметно-содержательными элементами, данными сознанию, а лишь способами и направлениями его формирования. Тогда обнаружится, что ни те, ни другие не могут восприниматься непосредственно и обозначаться с помощью языка в соответствии с этим восприятием, но что только первоначально недифференцированное

многообразие чувственных впечатлений может быть направлено в сторону той или другой формы мышления и языка» (Кассирер, 2002: 192, 193).

(NB: симптоматично, что и в этих цитатах критика не дает заключения и нечто демонстрирует).

Положение осложняется еще и тем, что «недифференцированное многообразие» не только двувекторно, но и структурируется с помощью тех скрытых категорий, о которых пишет, например, Тань Аошуан, по мнению которой именно они предопределяют характер картины мира носителя китайского языка. И в частности, такие ее свойства, когда «однотипным ситуациям не свойственно иметь разные способы выражения ... <...>, избегаются прямые оценки, несущие в своей коннотации элемент неблагополучия <...>, проводится четкая граница между миром человека и остальным миром, а неживой человек приравнивается к предметам, в употреблении личных местоимений выражаются эгоцентризм и антропоцентризм в противопоставлении первого и второго лиц третьему, который лишается свойств рода и одушевленности, подчеркивается противопоставление «я» и «не-я», выражающееся в ограничениях на употребление глаголов мышления в тех случаях, когда они выражают мнение <...>, ... в отличие от акциональных глаголов, глаголы бытия, нахождения в пространстве, связи, состояния не принимают показателей времени, поскольку такие глаголы описывают неконтролируемые ситуации» (Тань Аошуан, 2002: 825-826).

(NB: ср. утверждение об эгоцентризме и антропоцентризме с мнением Э. Кассирера об «Я» как «живом силовом центре» и в тоже время «беднейшем среди всех прочих» (Кассирер, 2002: 189, 190). Если «Я», по его мнению, не что иное, как «чистое выражение отложений», то вряд ли значимо его противопоставление третьему лицу по вышеуказанным свойствам).

Конечно, значимость и смысл приведенных мною примеров могут быть оспорены хотя бы потому, что они являются микрофрагментами эстетического идиолекта (хотя это и не так. Об его признаках см.: Богатырев, 1998: 2001), под которым понимаются «... случаи нестандартного применения исходных кодов, имеющие место на всех уровнях сообщения, преобразующие его в эстетическое благодаря глобальному изоморфизму ...» (Эко, 2004: 116). Иными словами, перед нами бессознательная семантическая игра «реликтами», тропами/риторическими фигурами, используемыми спонтанно и опирающимися на «память языка». Допустим, что это так, но и намек на ту неординарность/интенциональность высшего порядка, ради которой и создается художественный коммуникат. Они – лишь копии/дубликаты (симуляторы) обыденно-профанного мира, повторения и тавтологии неотрефлексированных смыслов/эйдосов. Во всяком случае, относительно глаголов вопрошать, заявлять и гласить это вполне очевидно: см. у В. Даля – «вопрошать, спросить кого о чем, спрашивать, предлагать или делать вопрос...» (Даль, 1955, I: 241), «заявливать или заявлять, заявить что, объявлять, предъявлять, донести, дать

знать о чем, оглашать (Даль, 1985, I: 670), «глас м. голос, во всех знач. взывания, звук, звон, шум ... <...> Глашать, гласить что, взывать, издавать голос, слова, речи; говорить, вещать, произносить, звать, называть, призывать... (Даль, 1955, I: 355). См. также у А.Г. Преображенского: «Голос ... <...> Инде. корень: *gal – звучать, издавать звук ...» (Преображенский, 1958: 141).

Не происходит ли в данном случае то, что по аналогии с феноменом «временного пропуска семы» (Греймас, 2004: 49) можно было бы рассматривать как постоянную фокусировку внимания на добавляемой (примысляемой) семе? Можно даже предположить, что амбивалентность/поливалентность тех или иных единиц языка/речи обусловлена теми ранними стадиями его/ее развития, о которой пишет (со ссылкой на Р. Стопа) Ф. Кликс, указывая, что для них характерны следующие особенности: «Звуковые выражения частично включены в жестикуляцию и мимику. <...> Звуковые образования тесно связаны с ситуацией, эмоциями и наглядными особенностями описываемого сценария. <...> Одним из признаков примитивного языка является относительная многозначность. <...> Одно и то же слово часто выполняет несколько различных функций. <...> Слова насыщены наглядными аналогиями» (Кликс, 1983: 108). По его мнению, в ходе развития языка/речи «... достаточно отчетливо выступает принцип расщепления звукового комплекса на возможно мелкие, но хорошо различимые единицы ... и образования из этих фонематических единиц все новых комбинаций звуков. Эти сочетания лежат в основе появления собственно слов устной речи. С этим связан другой исключительно важный процесс: отделение устной речи от системы аффективно-эмоциональной оценки успешности практических действий. Происходит замена непосредственной, прямой сигнализации о внутренних состояниях опосредствованным символическим наименованием. Это процесс подстановки символических знаковых форм на место прямой сигнализации о внутренних состояниях – восприятию, представлениях, понятиях, оценках или схемах действия» (Кликс, 1983: 109). И все-таки положения о замене прямой сигнализации символическими знаковыми формами и отделении действий от их оценки представляются несколько сомнительными. И вот по какой причине: «первоначальная» речь была, по-видимому, не чем иным, как синкретическим комплексом – вербальным и невербальным (звуко-мимико-жестикуляционным), столь же предметно-чувственным, сколь и эйдетическим, в равной степени конкретным и метафорическим, развивавшимся и развивающимся по эпигенетическому пути. Аффективно-эмоциональные оценки были и остаются неотделимы от его фактуры (на них указывают, например, фоносемантика, кинесика и соматические высказывания). Симптоматичен также и тот факт, что «... эмоции, имеющие объект, логически привязаны к некоторой форме мысли об этом объекте» (Вольф, 1996: 141), но если это так – то эмоциональной/эмотивной должна оказаться и «привязка к некоторой форме мысли», ибо вербальные и невербальные человеческие поступки неизбежно

оценочны и пристрастны. Иными словами, и в волических знаковых формах сохраняются следы тех двух стадий «созревания языка», о которых пишет Э. Кассирер – мимической и аналогической (Кассирер, 2002: 120). На этих двух стадиях языковая/речевая фактура симбиотична, что и подчеркивает, утверждая, что «... мы еще находимся совсем близко от мимической сферы, поскольку чистая функция значения еще неразрывно связана с самим чувственным звучанием» (Кассирер, 2002: 123). Таким образом, допустимо предположить следующее: все те примеры, которые можно оценивать как дефектные/аномальные, суть следы предыдущих состояний языка/речи, дрейфующие в его/ее организме, неконтролируемые диффузивы, порицаемые стилистами, своего рода диспаша, выплачиваемая неизбежной недостаточности нашей компетенции. Но не следует забывать и о другом: между человеком и его языком/речью существуют реверсивные отношения, отношения взаимозависимости, но человек сознательно пытается управлять/править языком/речью, рассматривая его/ее как модуль или как набор модулей, чьи составляющие он волен переорганизовывать и менять, а язык/речь (диффузное организмическое единство) влияет на человека интенционально или, иными словами, бессознательно, ибо интенция есть импульс, объединяющий все возможности языка/речи и указывающий на сферу желаемого/трансцендентного.

Предлагаемое объяснение отнюдь не является оправданием любых ошибок, а, точнее, деструктем, характерных для носителя любого языка. Они неизбежны. И мерой их допустимости служит лишь одно: насколько они зашумливают процесс понимания и искажают его итоговые результаты. И в зависимости от того, в каких типах текстов/типах речи они встречаются и насколько эти деструктемы в них терпимы. В частности, поэтическая речь является такой совокупностью эктипических (см.: Богатырев, 1998: 40 -42) и субэктипических единиц, которые в сущности являются лексико-семантическими, стилистическими, а в ряде случаев и синтаксическими деструктемами, служащими инструментами для построения соответствующей картины мира (см., например, стихи Андре Бретона и Дилана Томаса). Характерны и смещения в составляющих метафорических концептов земля, вода, воздух, огонь в русских версиях стихотворений Р. Бернса (см.: Эртнер, 2004: 18-24). Это тоже деструктемы, но культурального порядка, хотя и они не исключения из общего правила: они обязаны своим существованием и человеческому велению, и организмической теологии языка.

Литература

1. Айриш У. Встречи во мраке. Э. Квин. Тайна голландского башмака. Й. Флемминг. Только для Ваших глаз. – М.: Bestseller Москва. СКС, 1992. – 430 с.
2. Богатырев А.А. Элементы неявного смыслообразования в художественном тексте. – Тверь: ТвГУ, 1998. – 100 с.

3. Богатырев А.А. Схемы и форматы индивидуации интенционального начала беллетристического текста – Тверь: ТвГУ, 2001. – 110 с.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика. Описание эмоциональных состояний //Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. In memoiam Е.М. Вольф. – М.: Наука, 1996. – 280 с.
5. Греймас А.-Ж. Структурная семантика. Поиск метода. – М.: Академический проект, 2004. – 388 с.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: ГИС, 1955, т. 1.-2.
7. Кассирер Э. Философия символических форм. – М. – СПб.: Универсальная книга, 2002, т. 1. – 272 с.
8. Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. – М.: Прогресс, 1983. – 304 с.
9. Ладлэм У. Уикенд Остремана. Нарре Д.М. Звонок по мертвецу. Спиллейн М. Я гангстер. – М.: Верба, 1993. – 432 с.
10. Лебедева С.В. Синонимы или проксонимы? – Курск: Курский педагогический университет, 2002. – 202 с.
11. Мякшева О.В. Синтаксическая модель пространственных отношений: стилистический аспект. //Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2008., вып. 3. – С. 90 – 100.
12. Преображенокий А.Г. Этимологический словарь русского языка. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. – 1284 с.
13. Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики. Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя. На примере китайского языка. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 896 с.
14. Фаулз Д. Волхв. – М.: АСТ, 2003. – 800 с.
15. Фаулз Д. Маг. – М.: Норма, 2004., Т. 1-2.
16. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Симпозиум, 2004. – 544 с.
17. Эртнер Д.Е. Метафорический концепт в поэтических текстах Роберта Бернса и их русских переводах. Автореф. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. – Тюмень, 2004. – 18 с.

References

1. Irish W. Meetings in darkness. E. Quinn. Dutch shoe mystery. J. Flemming. Only for your eyes. - М.: Bestseller Moscow. SCS, 1992. – 430 p.
2. Bogatyrev A.A. Elements of implicit meaning in the art text. – Tver: Tver State University, 1998. – 100 p.
3. Bogatyrev A.A. Schemes and formats of individuation of fiction text intentional beginning – Tver: Tver State University, 2001. – 110 p.

4. Wolf E.M. Functional semantics. Description of emotional states // Functional semantics: evaluation, expressiveness, modality. In memoriam EM Volf. – Moscow: Nauka, 1996. – 280 p.
5. Greimas A.-Zh. Structural semantics. Method searching. – M.: Academic Project, 2004. – 388 p.
6. Dahl V. Explanatory Dictionary of Russian language. – M.: GIS, 1955, Vol. 1-2.
7. Cassirer E. Philosophy of symbolic forms. – Moscow - St. Petersburg.: Universal book, 2002, Vol. 1 – 272 p.
8. Kliks F. An Awakening thinking. At the root of the human intellect. – Moscow: Progress Publishers, 1983. – 304 p.
9. Ludlum W. Ostreman's weekend. Narra D.M. A call on the dead man. Spillane M. I am a gangster. – M.: Verba, 1993. – 432 p.
10. Lebedeva S.V. Synonyms or proksonims? – Kursk, Kursk Pedagogical University, 2002. – 202 p.
11. Myaksheva O.V. Syntactic model of spatial relationships: stylistic aspects. // Problems of speech communication. – Saratov, 2008., Vol. 3. – p. 90-100.
12. Preobrazhensky A.G. Etymological Dictionary of the Russian language. – Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1958. – 1284 p.
13. Tan Aoshuan. Problems of hidden grammar. Syntax, semantics and pragmatics of language with insulating system. On the example of the Chinese language. – Moscow: Languages of Slavonic Culture 2002. – 896 p.
14. Fowles D. Magus. – Moscow: AST, 2003. – 800 p.
15. Fowles D. Mag. – Moscow: Norma, 2004., Vol. 1-2.
16. Eco U. Lack of structure. Introduction to semiology. – St. Petersburg.: Symposium, 2004. – 544 p.
17. Ertner D.E. Metaphorical concept in poetic texts by Robert Burns and Russian translations. Abstr. ... Cand. Phil. Sciences. – Tyumen, 2004. – 18 p.

(0,4 п.л.)